Гностик отрешается, таким образом, от «формы» вещи (ее «природной» сути, ее элементности), проникая в «недра» элементов, постигая универсалии. Игра однокоренных слов — излюбленный прием Ибн Араби — иллюстрирует эту мысль: «недра» по-арабски «батн», а «скрытое» (скрытая в «форме» универсалия) — «батын».

Для подтверждения этого же положения используется и хадис «Если бы вы отпустили веревку, она упала бы на бога». Эта фраза в контексте рассуждений Ибн Араби может иметь неоднозначное толкование, исходящее из значений слов «далля» (отпустить, опустить; уронить в пропасть; привести в качестве доказательства) и «хабл» (веревка; покровительство). Если «отпустить» заменить на «уронить в пропасть», то мы получим смысл, тесно связанный с предыдущей фразой: в «пропасти», т. е. в недрах земли (как элемента) скрыт бог. Если «отпустить» заменить на «привести в качестве доказательства», а «веревку» на «покровительство» (зимма), хадис приобретает более сложный смысл, связанный уже со следующим за ним кораническим аятом. Под «покровительством» Ибн Араби обычно подразумевает отношение господствия (атрибуты бога как бы «берут под покровительство» тварную вещь, в которой воплотились). Таким образом, руководствуясь связанностью любого из атрибутов любой вещи с атрибутом бога, мы неизбежно приходим к богу как первоначалу — таков смысл хадиса при этой трактовке. Наконец, несколько иной нюанс придает ей еще одно (крайне редкое) значение слова «далля»: оно является синонимом уже встречавшегося нам глагола «тахайяра» — быть в состоянии (суфийской) «растерянности».

Итак, Ибн Араби трактует слова Ноя следующим образом: Ной призвал бога даровать представителям своего народа «благо» мистического приобщения к божественной сущности, «сокрыв» от них их отделенность от нее.

[81] Коран, 71 28 (пер. мой. — *А. С.*).
[82] Коран, 71 28 (пер. Г. Саблукова).
[83] В состоянии «фана'», состоянии мистического единения с богом, бытие человека сливается с божественным бытием, и человек становится, как и бог, «господом» тварного мира. Такова «энтелехия» отношений господствия между атрибутами человека и атрибутами мира; по эти отношения всегда существуют как возможность и в обычном человеке («рабе» бога).
[84] Коран, 71 28 (пер. мой. — *А. С.*).
[85] Там же.
[86] Там же.
[87] Коран, 71 : 29 (пер. мой. — *А. С.*).
[88] Коран, 6 : 91 (пер. мой. — *А. С.*).
[89] Коран, 71 29 (пер. мой. — *А. С.*).
[90] Т. е. универсалии и элементы.
[91] Коран, 71 29 (пер. мой. — *А. С.*).
[92] Там же.
[93] Там же.
[94] Там же.
[95] Там же.
[96] Там же. Под «погибелью» Ибн Араби подразумевает состояние «фана'».
[97] Коран, 28 88 (пер. мой. — *А. С.*).

# А. М. БЕЛОСЕЛЬСКИЙ И ЕГО ТРАКТАТ «ДИАНИОЛОГИЯ»

*А. В. Гулыга*

Ныне фактически забытый русский просветитель Александр Михайлович Белосельский-Белозерский (1752—1809) был образованнейшим человеком своего времени, состоял членом Петербургской Академии наук, Академии художеств, Российской академии словесности, Академии древностей в Касселе, Академии словесности в Нанси, Болонского института. Принадлежал он к старинному княжескому роду, ведущему свое начало от легендарного Рюрика.

(На Куликовом поле в 1380 г. полегло четырнадцать князей Белозерских.)

Александр Михайлович родился в 1752 г. В юности с отцом-дипломатом он побывал в Англии. Двадцати лет был произведен в прапорщики гвардейского Измайловского полка, однако болезнь легких заставила прервать военную службу. Белосельский отправляется для пополнения образования в Западную Европу. В Италии он посещает музеи, изучает музыку, пробует силы в поэзии и прозе. Свои первые французские стихотворные опыты он посылает Вольтеру и получает благожелательный ответ. Он много путешествует. В Гааге в 1778 г. выходит его книга «О музыке в Италии».

Одно из его писем с путевыми впечатлениями попало на глаза Екатерине II. Ей понравился литературный слог автора, и этого оказалось достаточно, чтобы получить звание камер-юнкера и назначение посланником в Дрезден. Дипломатические обязанности не помешали Белосельскому продолжать литературную деятельность.

В Париже двумя изданиями (в 1784 и 1789 гг.) выходит его сборник стихов, известность из которых получают «Послание к французам» и «Послание к англичанам». Поэт высоко оценивает утонченную французскую культуру и признает свою зависимость от нее, но противопоставляет легкомысленной французской переменчивости строгую величавость русской монархии, французам же он советует перенять у русских терпимость и свободомыслие. «Послание к англичанам» содержит изложение английской истории, перерастая затем в сатиру на политические нравы англичан, гоняющихся за «химерой» свободы, а в действительности оказывающихся жертвой эгоистических интересов. И это «Послание» завершается прославлением разумного порядка, который с неумолимостью открытых Ньютоном небесных законов царит на бескрайних северных просторах.

Главный труд Белосельского — «Дианиология, или Философская картина интеллекта». Он был написан на французском языке и опубликован в 1790 г. в Дрездене. Второе издание выходит в 1791 г. в Лондоне. В том же году появился немецкий перевод в Фрейберге. Есть сведения об изданиях на английском и итальянском языках. В 1795 г. готовилось русское издание, оставшееся неосуществленным [1]

В 1790 г. Белосельского переводят из Дрездена в Турин. Русский посланник внимательно следит за политическими событиями, разворачивающимися в соседней Франции. Никакой симпатии к революции он не испытывает, но в своих дипломатических донесениях описывает революционные события объективно и живо [2] Теперь его слог вызывает высочайшее раздражение, и Белосельского отзывают в Россию. Своим литературным способностям он был обязан и началом дипломатической карьеры и ее концом.

В Петербурге он ведет жизнь барина и мецената. Независимое положение в обществе и огромное состояние позволяют ему беспре-

пятственно продолжать свои литературно-философские занятия. Он пишет трагедию «Лжедмитрий», которая не имела успеха и не дошла до нас. Он создает фривольный водевиль «Олинька», постановка которого в домашнем театре вызвала скандал и чуть было не закончилась для автора плачевно [3] В стихах пытается Белосельский изложить историю России, но оставляет поэму незаконченной. На французском языке он пишет стихотворный «Диалог между Мудрецом и его сыном Эспером», который посвящен природе Вселенной и познанию бога (напечатан в журнале «Северная пчела»).

А. М. Белосельский умер в 1809 г. После него осталось богатое рукописное наследие (стихи, эссеистика, письма), которое ныне хранится в ЦГАЛИ в фонде его дочери — Зинаиды Волконской. Французская часть этого наследия была изучена и опубликована парижским славистом А. Мазоном в его книге, посвященной Белосельскому и Мещерскому [4]

* * *

Свой философский трактат «Дианиология» Белосельский послал Канту. Скупой на похвалы (и отнюдь не льстец) философ откликнулся восторженно. «Вашему Сиятельству суждено было разработать то, над чем я трудился в течение ряда лет, — метафизическое определение границ познавательных способностей, — но только с другой, а именно антропологической стороны» [5] — так говорится в черновике ответа Канта Белосельскому.

Чем объяснить восторженный прием «Дианиологии» Кантом? Что могло понравиться ему в трактате Белосельского?

Для вящей наглядности Белосельский сопровождает свои рассуждения схемой. Текст трактата, по сути дела, комментарии к ней. Перед нами пять концентрических окружностей, каждая изображает познавательную способность. В центре — «инертная неопределенность», представляющая собой лишь потенцию познания. Низшая сфера познания — животная «тупость», где господствуют инстинкт и чувства. Далее «сфера простоты или суждения», здесь руководствуются здравым смыслом и интуицией. Затем «сфера рассудка», отличительные черты которой — ясность и последовательность. Выше расположена «сфера прозорливости, или трансценденции», ее особенность — познание предмета как целого. И наконец, «сфера духа» — область творческого воображения.

Между познавательными «сферами» Белосельский располагает «пространства», как бы указывая на рубеж, за которым познание превращается в свою противоположность. «Сферы» — узенькие полоски, пространства — довольно широкие полосы: автор явно убежден, что ошибки, безрассудство и глупость в человеческом мире превалируют над способностями умножать и усваивать знания. И особенно опасается он самонадеянной и невежественной псевдоучености: «Ученый дурак глупее дурака неученого».

Кант увидел в схеме Белосельского все те познавательные способности, которые описаны в «Критике чистого разума». Соответствующие термины Канта — чувственность, способность суждений, рассудок, разум. Чувственность дает материал, содержание наших знаний, рассудок облекает его в логическую форму.

Главное открытие Канта в теории познания состояло в признании определяющей роли воображения для познавательного процесса. До него воображение считалось прерогативой поэтов, сухой же педант из Кенигсберга увидел поэтическое начало в процессе образования понятий. Белосельский близок Канту своей высокой оценкой роли воображения и трезвой — его границ. Для Канта продуктивное воображение — своего рода главный конструктор всех его философских построений. В теории познания это сила, осуществляющая не только синтез чувственности и рассудка, но создающая и сами рассудочные категории. Априорное происхождение категорий, о котором говорит Кант в «Критике чистого разума», возможно вследствие того, что существует время, а последнее возникает благодаря действию воображения.

Для Белосельского «сфера духа», равнозначная кантовскому «продуктивному воображению», — высшая познавательная способность. Единственная граница для нее — сама жизнь: воображение должно оперировать только реальным материалом, не фантомами, иначе на своих крыльях (выразительно венчающих схему) оно может легко унестись в «пространство вымыслов», выродиться, как говорил Кант, в «пустое умничанье».

Следуя древней традиции, Кант отличал рассудок от разума, как область науки от сферы философии: первая расчленяет мир, вторая стремится схватить мир как целое. У Белосельского наряду со «сферой рассудка» предусмотрена «сфера прозорливости, или трансценденции», главное назначение которой состоит в том, чтобы видеть сразу множество опосредований.

Есть еще одно обстоятельство, которое не могло не импонировать Канту, — интерес Белосельского к проблеме игры. Дух игры, говорится в «Дианиологии», «еще не оценен по достоинству». Кант первым старался это сделать, для него игра — основа красоты и культуры.

Сопоставление Белосельского с Кантом имеет свои границы. Помимо колоссальной разницы в глубине разработки затронутых проблем, есть между ними одно принципиальное различие в подходе к делу. Для Канта познавательные способности присущи человеку как таковому. Для Белосельского каждая из отмеченных им «сфер» — своего рода разряд, в который природа зачисляет индивида, в пределах которого он может себя совершенствовать, но за рамки которого он выскочить не может. Белосельский видит социальное неравенство и не одобряет его, неравенство способностей он считает естественным и невосполнимым. Человеку остается лишь правильно определить свою принадлежность к той или иной сфере и развивать то, что дано ему от рождения.

Белосельский приложил к своему трактату еще одну схему, в которой попытался дать «дианиологическую» классификацию некоторых знаменитостей, распределив их по четырем своим интеллектуальным сферам. Аргументами он себя здесь не утруждает. Можно лишь гадать, почему в «сфере суждения» наряду с философом Эпиктетом и художником Дюрером оказалась мадам де Помпадур. В «сфере рассудка» мы находим Людовика XIV, Лютера, Пуссена, Эпикура, Юма. В «сфере прозорливости» — Кромвеля, Кальвина, Локка, Паскаля. В «сфере духа» Петра I, Фридриха II, Леонардо, Рафаэля, Микеланджело, Шекспира, Платона, Декарта, Руссо. Здесь трактат Белосельского опускается до уровня светской беседы — занимательной, но не обязательной.

В какой мере Белосельский был знаком с трудами Канта, сказать трудно. К. Ставенхаген называет русского князя в числе студентов кенигсбергского философа [6] Это недоразумение: Ставенхаген ссылается на упомянутый выше черновик письма Канта Белосельскому, но там нет никаких сведений подобного рода. В опубликованных матрикулах Кенигсбергского университета имя Белосельского не значится [7] В соответствии с духом времени русский аристократ Белосельский получил французское образование, впитал идеи энциклопедистов — Вольтера, Руссо, Монтескье, имена которых упоминаются в «Дианиологии». О Канте там ни слова.

Близость Белосельского Канту, на мой взгляд, не результат изучения критической философии. Но и не случайное совпадение. Оно возникло как следствие общего интереса обоих мыслителей к насущным проблемам эпохи, поставленным предшествующим развитием теоретической мысли. Кант в середине 90-х годов XVIII в. — наиболее известный немецкий философ. Естественно, что именно к нему обращается Белосельский (в то время русский посланник в Дрездене) за оценкой своего произведения.

И он не ошибся в выборе. Кант по достоинству оценил главные идеи Белосельского. Кроме того, что было сказано выше, отметим и систематизаторские устремления автора «Дианиологии». А Кант — великий систематик. Чтение трактата Белосельского подвигло его на размышления, которые представляют собой своеобразный итог развитию взглядов Канта в этой области: в письме к Белосельскому он дает сжатую характеристику своей философской системы. Нигде в другом месте она в таком виде не предстает.

Под свежим впечатлением прочитанной «Дианиологии» Кант сначала почти полностью принимает позицию автора. «Это замечательное наблюдение никогда еще в достаточной степени не понятое и никем так хорошо не обоснованное — природа предназначила каждому индивиду свою собственную сферу познания, в которой он может преуспеть: таковых сфер четыре, и никто не может перешагнуть собственную, не очутившись в промежутках, которые обозначены вместе с прилегающими сферами очень удачно. (Если мы отвлечемся от сферы инстинкта, общего для человека и живот-

ных.)»[8] Четыре сферы перечисляет Кант — рассудок, способность суждения, разум и «соединение этих трех с продуктивным воображением, которое составляет гений».

Затем в черновике начинаются уточнения. Кант никогда не считал, что индивиду жестко предопределено пребывание в определенной интеллектуальной сфере, за пределы которой он не в состоянии якобы выпрыгнуть. Кант признавал разницу в темпераменте и в даровании, но придавал большое значение воспитанию и самовоспитанию. От природы, по Канту, — «способность суждения» (она же «смекалка»); «рассудок» и «разум» от образования. Что касается «продуктивного воображения», то Кант, придавая ему огромное значение, никогда не выделял его в качестве особой, «четвертой» познавательной способности. Поэтому, резюмирует Кант в черновике, из «сфер» Белосельского «для рассудка (интеллекта) остается собственно три». Черновик обрывается на фразе относительно систематизаторской роли философии.

В окончательном варианте письма Кант сдержанно оценивает заслуги Белосельского. Панегирик, которым открывался черновик, в отосланном тексте отсутствует. Кант говорит о двух «странах» познания. «Страна мышления в широком значении этого слова есть способность думать, страна созерцания есть простая способность чувственности, интуиции». Первая из этих «стран», по словам Канта, состоит из трех сфер — рассудка (в узком значении слова), т. е. способности создавать понятия, способности суждения, т. е. способности применять понятия к частным случаям, и разума, т. е. способности выводить частное из всеобщего.

Если три указанные способности создадут систему, то они составят «сферу философии». А если они будут поставлены в связь с низшей способностью (простым созерцанием), «а именно с самой существенной ее частью, которая представляет собой творчество и состоит в воображении (однако не порабощающем себя законами, а отдающемся стремлению черпать из самого себя, как это имеет место в изящных искусствах), — то они составят особую сферу *гения,* что равнозначно слову „дар творца“»[9]

Таким образом, Кант намечает пять сфер познания. Если же, продолжает он, воображение отрывается от действительности, «оно перерождается в обычное умопомрачение или расстройство» и носитель его «выпадает из сословия (сферы) человечества, низвергаясь в сферу безрассудства или безумия».

Письмо Канта Белосельскому — своего рода путеводитель по «Дианиологии». Без помощи великого философа трудно оценить достоинства трактата, а непосвященному он вообще может показаться плодом графомании. Так, автор единственной русской книги о Белосельском — В. А. Верещагин пишет по поводу «Дианиологии»: «В этой пустой брошюрке Белосельский, следуя форме изложения „Maximes“ Ларошфуко, делит мировой (? — *А. Г.*) разум на пять сфер проявления: инерция или глупость, интуиция и здравый смысл, ум, проницательность, или трансцендентальность, и чистый разум»[10] Верещагин элементарно запутался

в терминах Белосельского и в его трактате увидел лишь «философский сумбур». (Оценка Канта не была ему известна.)

Эту негативную характеристику «Дианиологии» принял и французский автор — упомянутый выше А. Мазон. «Александр Михайлович явно не имел философского призвания» [11]. Мазону изготовили копию с хранящегося в ЦГАЛИ письма Канта, он воспроизвел ее в своей книге, но только в качестве: курьеза. Французский славист был убежден, что имеет дело с мистификацией: мол, кто-то из окружения князя решил ему польстить и изготовил «письмо Канта». Аляповатый перевод давал повод для сомнений, к тому же текст его кем-то перечеркнут. (Может быть, самим князем, которого не удовлетворило качество перевода.) Переводчик был явно не в ладах ни с философской терминологией, ни с немецким языком, а вину за свои невразумительные словеса возложил на. автора оригинала. Прилагая к русскому тексту «Дианиологии» (тоже довольно неуклюжему) письмо Канта, переводчик писал: «Я думаю, что оно послужит наилучшим одобрением сего исполненного смыслу сочинения. Желательно только, чтоб Господин Профессор Кант знал секрет изображать свои глубокие мысли столь же ясно, как и наш Творец (т. е. автор. — *А. Г.*). Но этот секрет дан весьма малому числу писателей, а наипаче в метафизике» [12] Переводчик, действительно, на лесть не скупился.

Но главная беда Мазона состояла в том, что он не посмотрел в немецкие издания переписки Канта, где напечатан черновик письма, начало которого буквально совпадает с тем, что хранится в архиве: «„Дианиология“ — драгоценный подарок, который Вашему Сиятельству угодно было преподнести мне прошлым летом, — благополучно попала в мои руки. Два экземпляра книги я передал лицам, способным оценить ее достоинства. Истекшее время не изгладило моей благодарности, но засвидетельствовать ее я откладывал со дня на день. Причиной служили многие помехи, кроме того, мне хотелось кое-что добавить о том поучительном уроке, который я извлек для себя, чего коснусь в самых общих чертах» [13]

Ошибся Мазон и в этимологии слова «дианиология». Он произвел его от греческого глагола dianyo. А вот мнение крупнейшего нашего знатока античности профессора А. Ф. Лосева, зафиксированное в письме к автору этих строк: «Слово dianiologie, очевидно, происходит от греческого dianoia („размышление“, „разум“; „мысль“, „рассуждение“). А. М. Белосельский читает, по-видимому, дифтонг по-новогречески, где он действительно звучит как „и“, передаваемое в латинской транскрипции через „у“ Искусственно создавая сложное слово на французский манер, автор использует обычную соединительную гласную „о“ Вряд ли обоснованно толкование данного термина от греческого dianyo, как думал Мазон, так как глагол этот не имеет никакого отношения к умственным способностям и означает только „довожу до конца“». Надо сказать, что термин «дианайология» встречается

у Г И. Ламберта в его труде «Новый органон» (1764). Так назвал немецкий математик и философ первую часть своего учения о познании, в которой логические формы изображены с помощью геометрических фигур. Ламберт был членом Берлинской академии наук, в которой сотрудничал и француз Дьедоне Тьебо, наставник молодого князя Белосельского, человек большой культуры, одно время личный секретарь Фридриха II. Возможно, что Белосельский воспринял греческий термин от своего учителя.

Появление «Дианиологии» не осталось незамеченным. В рецензии, опубликованной в иенской «Всеобщей литературной газете» 26 июня 1792 г., отмечались достоинства французского оригинала и промахи немецкого перевода. Другой рецензент писал: «Описание деятельности человеческого рассудка подано по-новому, и избранная автором манера может представить интерес для профессиональных метафизиков. Вообще этот маленький трактат учил тому, что искусство извлекать главное со вкусом и пониманием представляет собой самый трудный вид философского литературного творчества и вместе с тем весьма полезен для мыслителя» [14]

В творчестве Белосельского «Дианиология» занимает не случайное место. Об этом говорят не только переиздание и переводы. Автор неоднократно возвращался к кругу ее идей. В папке, которую мне довелось читать в ЦГАЛИ, есть рукописный «Диалог на смерть и на жизнь», где Белосельский говорит о пользе игры, сравнивает дарование игрока с разумом алгебраиста и ссылается при этом на «Дианиологию». В конце диалога — изречение, созвучное пафосу трактата: «Наслаждайтесь всем досыта, но не до усталости» [15] А вот афоризм, который перекликается с содержащейся в «Дианиологии» идеей о неизменности людской натуры: «Гора переменила место — верь, ежели угодно. Человек переменил свой нрав — не верь» [16].

Знакомство с «Дианиологией» расширяет наши представления о русском Просвещении XVIII в. Перевод трактата с французского выполнен И. И. Кравченко по изданию: Dianylogie ou Tableau philosophique de l'Entendement, par Prince Beloselsky à Londres, 1791 chez ELMSLY. Libraire dans le Strand. 44 p.

Подготовительные материалы этого издания хранятся в ЦГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 153.

[2] Полный текст дипломатических депеш Белосельского из Турина опубликован в журнале «Русский архив» (1877. Кн. 2 и 3).

*Белосельский-Белозерский А. М.* Олинька, или Первоначальная любовь. Село Ясное, 1796. Эта книжица является единственным прижизненным изданием Белосельского па русском языке. По свидетельству П. А. Вяземского, в подготовке печатного текста принял участие Н. М. Карамзин. См.: Сводный каталог русской книги XVIII в. М., 1962. Т. 1. С. 87.

[4] См.: *Mazon A.* Deux russes écrivains français. P., 1964. P. 80.

*Kant I.* Briefwechsel. Hamburg, 1972. S. 573.

См.: *Stavenhagen K.* Kant und Königsberg. Göttingen, 1947. S. 76.

См.: *Erler G.* Die Matrikel des Albertus-Universität zu Königsberg in Preussen. Leipzig, 1911—1912. Bd. 1—2.

[8] *Kant I.* Briefwechsel. S. 574.
[9] *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 633.
[10] *Верещагин В. А.* Московский Аполлон. Пг., 1916. С. 34. Верещагин описывает альбом «Московского Аполлона», как называли А. М. Белосельского. Он был любимцем муз, знатоком живописи, музыки и поэзии, сочинял стихи — французские и русские, мы их находим в альбоме. Рядом — письма Вольтера, Мармонтеля и других знаменитостей, автографы Екатерины II и Павла I. Попутно Верещагин рассказывает о жизни владельца альбома. Он с похвалой отзывается о дипломатических донесениях князя из Турина, которые послужили причиной отставки Белосельского. Журит Верещагин Белосельского за фривольную «Олиньку». О «Дианиологии» упоминает неодобрительно.
[11] *Mazon A.* Op. cit. P. 80.
[12] ЦГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 20.
[13] *Kant I.* Briefwechsel. S. 573.
[14] Altpreussische Monatshefte. 1900. Folge 5. S. 325.
[15] ЦГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 102.
[16] Там же. Л. 62.

# А. М. БЕЛОСЕЛЬСКИЙ

# ДИАНИОЛОГИЯ, ИЛИ ФИЛОСОФСКАЯ СХЕМА ИНТЕЛЛЕКТА

Господину барону де Глейхену,
бывшему полномочному послу
в Париже, Мадриде и Неаполе
и т. д. и т. п.

Кому еще я мог бы посвятить трактат об интеллекте, как не уважаемому другу, острый ум и рассудительный пример которого открыл мне когда-то секрет моего собственного Я и который один помогал мне как бы складывать по слогам философские идеи. Я осмеливаюсь сегодня предложить ему результат этого обучения.

Предмет, я надеюсь, нов, и способ, которым я попытался его истолковать, возможно, необычен для известных мне метафизиков.

В литературе высказать все секреты — значит наскучить, а в философии это, несомненно, средство помешать думать.

Гроций, Пуффендорф, Кондильяк, Вольтер, Даламбер и даже мудрый Локк размышляли над многим, но они оставляют весьма мало что-либо делать после себя другим.

Иначе обстоит дело у Ж.-Ж. Руссо, Монтескье и особенно у Монтеня и Ларошфуко. Они не стремятся осветить все ваши шаги, но собирают лучи света в фокус и озаряют вас в тот самый момент, когда вы остановились.

Они думают, и вы думаете вместе с ними. И иногда пространное воспоминание об их размышлениях соединяется с вашим собственным опытом настолько, что становится полезным вам, как и этот опыт.

Привлекательность таких произведений состоит в том, что в них царят краткость, точность и удачный выбор фраз и предложений.